

Медсестра наблюдала, как он ест уже полчаса, а еда на тарелке будто не уменьшалась. Ей даже захотелось взять миску и начать кормить его самой, поэтому она уговаривала:

— Поешь ещё немного, ты слишком худой. Я знаю, ты звезда, но сейчас ты пациент, не нужно себя так ограничивать.

Медсестра указала на окно:

— Посмотри, твой альфа смотрит снаружи, он очень беспокоится о тебе.

Су Цзяньцю вздрогнул и поднял взгляд.

Фу Бай стоял за окном, выглядел уставшим, но, увидев его, глаза загорелись. Он улыбнулся и помахал рукой, затем быстро достал маркер и лист бумаги.

Су Цзяньцю наблюдал, как он что-то пишет.

Спустя некоторое время Фу Бай закончил и приложил листок к стеклу.

На бумаге было написано «Держись», а рядом нарисована неуклюжая улыбающаяся рожица.

Эта рожица вместе с улыбкой Фу Бая отразилась в глазах Су Цзяньцю.

Глядя на человека за окном, у Су Цзяньцю внезапно запершило в носу, и он заплакал. Он не ожидал, что Фу Бай придёт к нему, будто ничего не произошло, и будет так его утешать.

Действительно, симпатию к человеку невозможно скрыть. Чувства в сердце подавляют рассудок, накатывая подобно бушующему потоку. Каждое движение Фу Бая, казалось, напрямую воздействовало на его слёзные железы, и плач стал инстинктивной физиологической реакцией.

— А-Цю!

Фу Бай, видя его слёзы, забеспокоился. Нахмурившись, он прижал ладони к стеклу и смотрел на него:

— Не плачь, не плачь, А-Цю!

Он говорил снаружи, но через стекло Су Цзяньцю не слышал.

Фу Бай не понимал, почему плачет Су Цзяньцю. Ему плохо? Или он скучает по дому? А может, просто потому, что больничная еда невкусная? Хотя это звучало по-детски, его малыш и вправду был на такое способен.

Поэтому он снова присел на корточки и начал что-то писать и рисовать, желая его подбодрить.

Фу Бай приклеил нарисованный четырёхкадровый комикс к стеклу окна.

Медсестра, увидев это, сказала Су Цзяньцю:

— Не грусти. Посмотри, как он старается тебя порадовать. Когда твоё состояние немного стабилизируется, его пустят к тебе.

Медсестра думала, что этот ранимый омега просто скучает по своему супругу.

Су Цзяньцю, который всё ещё вытирал слёзы, увидев комикс, сквозь слёзы рассмеялся. Навыки рисования Фу Бая были не ахти, даже несколько неуклюжи, но этот комикс был уродливо-милым. На нём была изображена Сюэшань, которая, задрав хвост, справляла нужду и закапывала это — очень смешно.

Он засмеялся, и Фу Бай успокоился.

В последующие дни Фу Бай приходил каждый день. Он наблюдал, как Су Цзяньцю ест, как он мечтательно смотрит вдаль, как держа в руках сценарий, бормочет реплики, и как с помощью медсестры он понемногу начинает вставать с постели и ходить.

Фу Бай писал и рисовал на бумаге маркером, говорил Су Цзяньцю «доброе утро» и «спокойной ночи», использовал стикеры с летящими сердечками вместо утреннего и вечернего поцелуя.

Всё, казалось, вернулось к тому времени, до возвращения Шу Чжэня.

Способ общения через окно был слишком простым, и каждый диалог из-за этого становился особенно ценным. Никто больше не поднимал неприятные темы.

Позже Су Цзяньцю вдруг вспомнил, что можно попросить Фу Бая передать его телефон медсестре, чтобы та принесла его внутрь. Но ему также нравилось это ощущение общения через окно, и он боялся, что, получив телефон, Фу Бай перестанет приходить. Поэтому он решил стать первобытным человеком, отдалившимся от электроники.

В последний день изоляции Су Цзяньцю долго спал после обеда и проснулся как раз к ужину. Медсестра принесла ему еду. Он ел, время от времени поглядывая в окно.

Фу Бай сегодня опаздывал.

Братец, даже если ты не придёшь, я хорошо поем, — подумал Су Цзяньцю.

Но он также допускал, что Фу Бай уже приходил, пока он спал, и поэтому ушёл.

До конца ужина за окном так никто и не появился.

Медсестра убрала поднос, и Су Цзяньцю, разочарованный, улёгся обратно под одеяло.

В этот момент он услышал радостный голос медсестры:

— Смотри, он пришёл!

Медсестре казалось, что эта парочка очень забавная: они уже женаты, но ведут себя как влюблённые подростки, только начавшие встречаться.

Су Цзяньцю пристально смотрел на человека за окном, не моргая.

Фу Бай, склонившись, что-то писал, а затем спросил:

— Что случилось?

Су Цзяньцю покачал головой, взял у медсестры бумагу и ручку и написал: «Проснулся, а тебя нет. Уже подумал, что ты ушёл».

— Я никуда не уйду, — Фу Бай за окном поднял записку.

Медсестра сказала:

— Завтра карантин снимут. Твоему супругу наконец-то не придётся так тяжело. Днём работать, а вечером ещё и дежурить здесь с тобой — это очень утомительно. Я видела, он совсем осунулся.

— Что? — Су Цзяньцю тоже это почувствовал, Фу Бай действительно выглядел уставшим.

— Разве ты не знал? — Медсестра была слегка удивлена. — Он ночует на скамейке в коридоре возле твоей палаты.

Су Цзяньцю остолбенел. Он правда не знал. Фу Бай ему не говорил. Неудивительно, что в последние дни Фу Бай выглядел всё хуже. Он думал, что это из-за напряжённой работы. Как же он мог быть таким невнимательным и не заметить, что Фу Бай ночует прямо у его палаты.

Су Цзяньцю, не раздумывая, почему Фу Бай так поступает, впопыхах схватил лист бумаги, наклонился и написал: «Иди отдыхай!»

Фу Бай, не понимая, что произошло, покачал головой и ответил: «Я не устал».

— Быстро иди! Сегодня нельзя спать в больнице! — Су Цзяньцю нахмурился, от волнения у него даже покраснели глаза.

Фу Бай, видя его сердитое выражение, нашёл это довольно милым, и у него возникло желание подразнить его. Он указал на свою щеку и написал на бумаге: «Тогда поцелуй меня, и я уйду».

Хулиган...

Су Цзяньцю покраснел и опустил голову.

Медсестра, смеясь, сказала:

— Быстро поцелуй его! Я закрою глаза и ни за что не подгляжу!

У Су Цзяньцю лицо покраснело до предела, и он тихо проговорил:

— Не буду.

Затем он взял ручку и, опустив голову, начал рисовать на бумаге. Он, подражая Фу Баю, нарисовал стикер с летящим сердечком и медленно поднял его, чтобы показать Фу Баю.

Су Цзяньцю рисовал намного лучше Фу Бая, его рисунок вышел симпатичнее.

Фу Бай показал ему большой палец и помахал рукой.

Эта неделя выдалась тяжёлой: днём работа, плюс нужно было выкраивать время, чтобы следить, как Су Цзяньцю ест, а ночью — ночевать на больничной скамейке. Фу Бай плохо ел и спал, тело действительно не выдерживало. Сегодня он опоздал потому, что чуть не упал в обморок в коридоре, и медсёстры отправили его на капельницу.

Видя, что состояние Су Цзяньцю постепенно стабилизируется, Фу Бай наконец смог спокойно пойти домой и отоспаться.

В последнюю ночь в изоляторе Су Цзяньцю не сомкнул глаз.

Конечно, всё из-за Фу Бая.

Сладость этих дней была похожа на сон. Но по мере того, как Су Цзяньцю постепенно выздоравливал, к нему возвращался рассудок. Сейчас он не мог понять: чего же на самом деле хочет Фу Бай?

Шу Чжэнь уже вернулся, почему же Фу Бай продолжает так хорошо к нему относиться? Неужели Фу Бай, как и Шэнь Сюци, из-за врождённой жадности хочет, как говорится, и рыбку съесть, и на рыбалку сесть? Хочет, чтобы он стал любовником?

Это было бы слишком мерзко.

Хотя нет, по сути, его позиция изначально и была позицией любовника.

Су Цзяньцю поразился, осознав, что он всё больше и больше вживается в роль госпожи Фу. И в то же время он инстинктивно искал оправдания Фу Баю в своём сердце, считая, что Фу Бай не такой человек.

На следующий день Су Цзяньцю перевели из изолятора в обычную палату.

Хотя и сказано «обычная палата», на самом деле она была не совсем обычной. Фу Бай оформил для него VIP-палату — тихую, уютную, просторную и светлую. Хотя Фу Бай и не успел прийти, чтобы сопроводить его при переводе, он вчера всё уладил, проявив свою обычную внимательность и заботу.

Су Цзяньцю откинулся на подушки, отдыхая, и машинально посмотрел в стеклянное окно.

За эти дни он привык к тому, что Фу Бай появляется там. Он не мог контролировать себя, бесчисленное количество раз за день бросал взгляд на окно, ожидая появления этой фигуры.

— Ты ждёшь своего супруга? — Подойдя для обхода, медсестра с улыбкой подшутила:

— Я только что видела его в коридоре. Думаю, он придёт минут через пять.

За это время эта парочка стала знаменитостью в больнице. Медсёстры все знали, что в VIP-зоне есть несчастные влюблённые: омега в изоляции, который тоскливо смотрит в окно в ожидании своего альфы, а альфа ночует у палаты омеги, охраняя его. Это стеклянное окно стало похоже на Млечный Путь, разделяющий Волопаса и Ткачиху.

Разгадав его мысли, Су Цзяньцю стало неловко, кончики его ушей покраснели, и он отвел взгляд.

В этот момент Фу Бай, запыхавшись, распахнул дверь:

— Прости, прости, госпожа Фу, я опоздал.

<http://bllate.org/book/15452/1370846>